

ПОСЛЕДНИЙ РОМАНТИК ЭДИЧКА

Поэт Эдуард Лимонов написал роман "Это я - Эдичка..." Написал довольно давно. Роман прочли немногие и многие из этих немногих не одобрили его. Тем не менее есть уверенность, что появление этой книги - событие в истории русской литературы. И как многие события такого рода, будет оценено только в будущем в полной мере. Но и сейчас уже можно поздравить читателя с появлением не просто талантливого произведения - а произведения, такого на русском языке еще написано не было. И как каждое новое явление, роман пока вызвал в основном упреки. Безусловно, к Лимонову можно предъявить ряд претензий, а к кому их нельзя предъявить? Но хотелось бы, чтобы эти претензии были существенными и обоснованными. Характерно, что и "здесь", и "там" критики и просто читатели оказались обманутыми, попали в ловушку, ¹⁸ловушку, подготовленную многими поколениями русских критиков, начиная с Белинского, которые не замечали в литературе ничего, кроме "маленького человека", "социально обусловленных характеров", "лишних людей" и т.п. Однако было бы несправедливостью списать все на критиков. На самом деле вся русская культура со второй половины XIX века яростно боролась с "чистым искусством" и призывала писателя быть кем угодно: гражданином, идеологом, учителем, "инженером человеческих душ", но только не писателем. То, что в русской литературе испокон веков ставилась задача этическая, нравственная, политическая, социальная и какая угодно, но только не собственно литературная, на многие годы вперед погубило русского читателя, не приучило его смотреть на литературу как на нечто отличное от жизни, как на то, что имеет свои собственные задачи и руководствуется только ими, как на принципиально иной опыт, а не в художественной форме выраженное, всем доступное, хорошо знакомое, легко поэтому, без напряжения, без умственных и эмоциональных усилий узнаваемое содержание. 99% всех нападков на Лимонова объяснимы только этим. Раздражает уже название "Это я - Эдичка!". Но ведь это ключ к пониманию всего романа. Лимонов утверждает в нем свое право быть поэтом милостью Божьей, и ничьей больше, право выступать только от собственного имени, не примыкая ни к какой группировке, не выражая никаких "кружковых" взглядов.

И поэтому совсем неправильным кажется мне отношение к

этому роману как к описанию жизни эмигрантов в Америке. Нет, Лимонов, по всей видимости, не ставил себе такой задачи. Он не один из эмигрантов, толпы которых неприкаянно бродят по Новому Свету, не зная, куда себя приткнуть, как не знали они этого и здесь. Еще более странной кажется точка зрения некоторых возмущенных читателей, которые считают, что все выпады Лимонова против американского государства, против советского государства, против диссидентов и обывателей и прочее можно объяснить неудачной поэтической карьерой Лимонова. Простите, а что такое, по-вашему, удачная карьера для поэта? Признание Союза писателей, паек, заграничные командировки и публикации в "Литературной газете"? Думаю, что каждый настоящий поэт откажется от такой карьеры с презрением. Да, собственно, все русские поэты, начиная с Лермонтова, отказывались от официального признания, предпочитая возможность самим выбирать тему для своих стихов. Если Лимонов утверждает: "Нам надоело защищать ваши старые вылинявшие знамена, ваши ценности, которые давно перестали быть ценностями, надоело защищать ваше", то почему эти слова вызывают страх у читателя?

Да, Лимонов хочет прожить жизнь Поэта, никакая другая судьба его не устраивает. И в этом желании он не может считаться с условностями, которые придумали люди робкие и запуганные, с их нелепой социальной иерархией, с их непререкаемыми авторитетами. Когда Лимонов выступает против непререкаемых авторитетов, против столпов различного рода движений, его обвинения, может быть, и нелепы, но вызваны тем, что безошибочно чувствует поэт: банальным, старым, как мир, желанием всех запереть в "хрустальный дворец" и организовать рабочий день, а также досуг строго по плану. И тут поэта не проведет никто. А проведенными и обманутыми оказались критики, которые по наезженной колее — хоть бы съехали когда-нибудь — принимали за чистую монету все разговоры Лимонова — о правых и левых, о трюках и деньгах, о том, как делают любовь женщины с женщинами и мужчины с мужчинами — однако никто не заметил малости — того, как сделан роман.

Когда Лимонов говорит о правых и левых, не нужно понимать его буквально. Просто каждый поэт естественно примыкает к самым крайним /как к правым, так и к левым/, потому что это, во-первых, позволяет ему "выйти из толпы", а во-вторых, ему всегда импонируют решительность и определенность, а не вялость и апатичность. Но за-

метьте, Лимонов не собирается слиться ни с какой "массой", его всегда привлекают отдельные личности, так и к трокистам на собрания он ходит только потому, что ему нравится Керол, живой, добродетельный человек, но — говорит Лимонов: "Я не верю в будущее этой партии". Может быть, у Лимонова нет серьезной, продуманной, политической, социальной, философской концепции, но у него есть четкая и последовательная жизненная позиция: всегда и во всем видеть личное, индивидуальное, неповторимое, каким бы оно ни было, видеть человека, а не массу, видеть то, что отличает, а не сближает. И в этом он тверд как в своих стихах, так и в романе.

О чем же этот роман? Как и каждый роман, его нужно читать, а не пересказывать. Но говоря в двух словах, он — об Эдичке. Как и любое другое талантливое произведение — всегда только об авторе. Просто Эдичка как бы обнажает прием: он с ловкостью фокусника привлекает из небытия каких-то Раймонов, пожилых соблазнительей молодых мужчин, преступного вида негров, бесконечных приятелей, наконец, саму Елену Прекрасную, и заставляет их проигрывать свои партии, вступать с ним, Эдичкой, в те отношения, которые он для них определил, и просто-напросто становиться ^{для} него тем литературным материалом, из которого он уверенно и красиво на глазах читателя кроит свой роман.

Те читатели, которые находят нескромными некоторые сцены в романе Лимонова, уверяют, что вот у Генри Миллера это звучит совсем иначе. Кстати, в этом замечании кроется некоторая привычная неполноценность русского человека, который при всем своем патристизме внутренне непоколебимо убежден в том, что "они" все могут, и "им" все можно, а нам это не доступно, да и, главное, не нужно. Для "них" это органично, а мы, вероятно, размножаемся простым делением, у "них" это — эротика, а у нас это — гадость. Но почему? Разве виноват Лимонов, что в русском языке просто не существует тех слов, которыми можно описать все это, да и нет привычки ничего этого описывать в силу лицемерия и ложной стыдливости. Можно только приветствовать поэта как первопроходца на этом скользком пути, на котором он, кстати, нигде не соскользнул к пошлости или порнографии. Нельзя забывать, что Лимонов — романтик, и поэтому для него секс — не самоцель, а лишь средство для описания страдания непонятой одинокой души. Замените все слова, которые вам не приятны на слова "слезы" и "вздохи", и убедитесь, что в этом на-

блудении есть доля истины. Впрочем, возможна и другая точка зрения. Нельзя отрицать бесспорного влияния Генри Миллера, а также некоторых современных американских поэтов на Лимонова. Но кто писал без влияний? Главное, что они пошли ему на пользу. Автор статьи не обладает достаточным знанием американской литературы, чтобы подробно и детально проанализировать стиль романа. Надо надеяться, что подобного рода исследования не заставят себя ждать. Думается, что именно знакомство с англоязычной литературой помогло Лимонову найти столь динамичный ритм своей прозы, который заставляет читателя неотрывно следить за всеми движениями мысли и чувства поэта. Не может не imponировать та уверенность, с которой Лимонов выстраивает свое повествование, а также та легкость, с которой ему удается оставаться все время в фокусе, меняя свое положение: то это басбой /мальчик, убирающий посуду в ресторане/, то обманутый и покинутый муж, переживший три года и три дня в тюрьме, то этот самый мальчик в просторной незнакомой квартире, ликующей в Христосе. Поэт легко совершает почти переходы, постоянно возвращаясь к самому себе. Автор как бы прозрачен для читателя, открыт ему со всех сторон, но это мгновенная иллюзия — автор вместе с читателем смотрит на своего героя, и все, что происходит с героем, как раз и позволяет автору отделиться от него, встать в сторону: посмотреть и описать. Эта-то особенность и делает великим опыт Лимонова и составляет его ценность. Все поступки отрефлектированы, все страдания оформлены литературно — все взаправду, все всерьез. Решительно, как власть имеющий, Лимонов берет слова английские, матерные, идеомы, просторечные выражения и самые обычные русские слова и сплавляет их воедино. И слава Богу, нет здесь никаких непонятных никому диалектизмов, бесконечных канцеляризмов, интеллектуальных штампов и бессмысленных банальностей, а также неправильно употребленных красивых иностранных слов, а есть полная раскрепощенность поэта, который не знает внутренней цензуры, не хочет показать никому фигу в кармане, а просто называет все вещи своими именами. Если это кому-то не нравится, то он, Лимонов, в этом не виноват.

Почему Лимонов поехал в Америку? тот вопрос мне кажется самым интересным, и ответ на него легко можно получить, прочитав роман. Поэт, одержимый мечтой, приехал в Америку как в страну, которую ему нужно завоевать. В его восприятии эта страна — мир с неограниченными, открытыми каждому возможностями. Нужно отметить,

что "американская мечта" достаточно традиционна для русского человека. В России она существует с 18 века, с того момента, когда американская революция пробудила интерес у просветителей. Позднее декабристы восторгались американской демократией, еще позднее в России появился "американский миф", весьма устойчивый и по сей день, - миф о стране, где все возможно, где каждый талантливый и энергичный человек может обрести себя, найти свой путь, где мечта становится реальностью... Очарованность Америкой, влюбленность в нее, в те возможности, которые она открывает, и даже те опасности, которые она таит, влюбленность в язык, динамичный, острый, интригующий, влюбленность в ее кумиров и героев /ср. у Лимонова: "Моя профессия - герой. Я всегда мыслил себя как героя. Даже книгу с таким названием еще в Москве написал: "Мы - национальный герой"/, - вот эта влюбленность, эта мечта были характерны для русской литературы 60-х годов нашего столетия. Возьмем, к примеру, Аксенова, именно его творчество как нельзя более убедительно доказывает справедливость этих слов. Все герои его повестей /наиболее очевидно это в "Звездном билете"/ сильно американизированы, да и свой язык Аксенов пытается выстроить в соответствии с языком современного американского романа. Но эта попытка не удается ему, она остается на уровне мечты. Как и не сумел создать Аксенов нового языка, и тот невероятный коктейль из мертвых, небывших слов, которыми угощает он читателя, огорчает и вызывает недоумение. Аксенов не нашел своей Америки, хотя, как известно, он и съездил в нее. Вероятно, дело в том, что ее возможности открыты для людей внутренне свободных.

А Эдичка встретился со своей мечтой. Кстати, в его романе есть небольшой рассказ о друге юности, который, живя в Марькове, мог бы с закрытыми глазами отыскать любую парижскую достопримечательность, который до тонкости изучил французский язык, но которому так и не суждено было доораться до возлюбленной страны. Прямая параллель с Эдичкой. Но Эдичка достиг желанных берегов и сошел ~~на~~ ~~сходил~~ на них не жалким парией без Отчизны и прошлого. Нет, Лимонов приехал на Запад как представитель особого племени - племени поэтов, художников, мыслителей - всех творческих людей, и это позволяет ему смотреть на американского обывателя как на дикаря, которому просто не дано еще оценить его, Лимонова, ценностей. Как новый миссионер стремится приобщить этот дикарей к своей культуре, с сочувствием и сожалением глядя на них и удивляясь искрен-

не отсутствию у них интереса к судьбе поэта. Лимонов приехал из страны, где слово "поэт" звучало как титул. Конечно, не стоит обманываться относительно географии этой местности, как склонны делать некоторые. Это не какая-то определенная, существующая в одном измерении страна - это страна, не подвластная никаким изменениям и переменам, существующая в вечности, самая родная и близкая, которой поэт готов по жертвовать всем /вот здесь -то и коренится то безразличие к национальному вопросу, которое так смущает многих у Лимонова/. Имя этой страны - Мировая Культура. Она не отвергнет никого, для нее нет расовых, социальных и политических различий, а есть лишь критерий подлинности и неподлинности. Этому критерию Лимонов удовлетворяет, что для писателя главное, и ведет себя как настоящий патриот. Он, как и полагается поэту, выходит один против всех и вступает в неравную борьбу с миром, в которой ему суждена победа, и, будем надеяться, не ценой жизни. Ему нет необходимости ехать сражаться за свободу палестинцев или еще кого-нибудь и погибнуть, как Байрон в Греции, чтобы утвердить право поэта на особую судьбу, или подставить себя случайной пуле, как это сделал ермонов. Эдичка - романтик, но романтик совсем другой эпохи. В этом его сила. Сила в том, что он научился /не первый, но в русской литературе, скажем, один из первых/ и самое свое страдание, страдание одинокого поэта, полностью подчинить литературному процессу, сделать его материалом романа, отделить себя, реализовать в языке и получить возможность идти дальше. .. да! .. от, чтобы так было всегда.

Люби Америку, стремясь ее покорить, поэт становится не готов восхитаться всем подряд. Его многое в ней не устраивает. Давайте же разберемся, что именно. Некоторых шокирует, что Эдичка говорит часто о деньгах, но ведь это вполне соответствует его позиции: государство должно платить поэту /позиция, скажем прямо, не новая, вспомним, хотя бы Пушкина/, но платить должно, не требуя взамен ни совести, ни чести. Естественно, что Государство, каким оно ни было, не стремится к простой олагодетельности. Вспомним разговор Лимонова с Бродским в романе. Бродский говорит о слишком "тонкой коже" Эдички, который не хочет связывать себя даже преподаванием или просто принадлежностью к Университету или к какой-нибудь другой организации. Медаром он получает "Вэлджер" - пособие для тех, кто никогда нигде работать не будет. Впрочем, Эдичка не против то-

го, чтобы некоторое время помыть посуду или потаскать чужую мебель, но это ему нужно для того, чтобы еще раз ощутить свою значительность, чтобы, вспоминая вечером дневные унижения, острее чувствовать свою власть, власть мечтателя-творца над словом...

А работу как таковую он ненавидит, ненавидит потому, что она отвлекает человека от мечты. Также ненавидит почти все регламентированное, все казенное, бездушное и лицемерное - словом, его раздражает в Америке то же самое, что раздражало его в любом государстве. Поэтому его так привлекает все, не укладывающееся в жесткие рамки порядка: любое приключение, в котором есть элемент риска, любая сомнительная авантюра. Так, например, стремится он к контакту с преступником негром Крисом, целый день проводит в обществе подозрительного сродяги. Именно в низших социальных слоях Америки видит он отступление от тех строгих упорядоченных норм, которые так ненавистны ему в европейской цивилизации, в отталкивании от которой, в неприятии которой и находит свое выражение то, что можно назвать синтезом американско-русской мечты, ибо и Америка и Россия в этом очень схожи.

Одним из основных достоинств романа является то, что Лимонов сумел выявить то общее, что лежит в основе русской и американской культур, что существует в сознании жителей этих стран - это контраст между официальной структурой общества и выпадающими из нее слоями, то контраст между монотонным существованием в рамках европейской культуры, с его заранее известными, заранее легко предугадываемыми этапами, существованием нейменно и спокойно ведущим к смерти, и романтической, бескрайней, полной неожиданностей дорогой, ведущей к успеху, победам, любви, деньгам, наконец, но только не к смерти. И на этой дороге смерть может постигнуть лишь случайно... Ну, а от случайностей не убережешься, поэтому стоит ли принимать их в расчет. Кстати, тема бегства от смерти - одна из характернейших в американской литературе.

"И. н. н. сама по себе - бессмысленный процесс. потому я всегда искал себе высокое занятие в жизни". Ну что же, надеемся, что это высокое занятие поможет последнему романтику Эдичке обойтись без "своей бессмысленной смерти" и завоевать город-дикарей Нью-Йорк, а также и некоторые другие города мира.
